

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.17223/22253513/43/7

Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности

Лев Михайлович Прозументов¹, Александр Викторович Шеслер^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия,*

¹ *krim_tsu@mail.ru*

^{2,3} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Анализируются средства противодействия групповой преступности, предусмотренные действующим уголовным законодательством. Отмечается, что к этим средствам относятся нормы о соучастии в преступлении, прикосновенности к нему, посредственном совершении преступления, групповых образованиях как признаке объективной стороны конкретных составов преступлений. Указывается, что эти нормы отражают различные типы фактического взаимодействия участников группового преступления.

Ключевые слова: групповая преступность, соучастие в преступлении, прикосновенность к преступлению, посредственное совершение преступления, групповые образования

Для цитирования: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 86–96. doi: 10.17223/22253513/43/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/7

Criminal legal means against combating group crimes

Lev M. Prozumentov, Alexander V. Shesler

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*

³ *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russian Federation*

¹ *krim_tsu@mail.ru*

^{2,3} *sofish@inbox.ru*

Abstract. Group criminality as a criminological phenomenon comprises group crimes. And a group crime is any interaction of several individuals, the content of which is a joint criminal activity. Such activities may consist not only of acts assessed by criminal law as crimes but of actions, which do not receive such an assessment.

In the current Criminal Code of the Russian Federation, the commission of a crime by a group of persons is classified as complicity in a crime. And members of the group, under Part 1, Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, are called perpetrators. The analysis of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation enables us to speak about an expanded interpretation of the commission of a crime by a group of persons that contradicts the current legislation. The authors propose a different approach to the consideration of this problem. The signs of a group crime in a criminological sense are, first, the involvement of several individuals in the criminal encroachment. Second, all members in a group crime must have a common group goal. Third, the interaction of members in a group crime should find its expression in the separation of functions. Fourth, group crime is characterized by a negative consequence for all members of the group.

It is possible to distinguish the following criminal law norms that characterize the interaction of several individuals as a group crime, and serve as the means of countering group crime: 1. Norms providing for the participation of several persons in performing a specific element of crime, assessed by criminal law as complicity in a crime. 2. Norms providing for the actual participation in performing a specific element of crime together with persons brought to criminal responsibility, those persons whose actions are not criminal because of the absence of signs of the subject of the crime (failure to reach the age of criminal responsibility or insanity). 3. Norms providing for the actual participation of several persons in the performance not of an act, but in the formation with a certain person who commits a crime, of other mandatory elements of the objective side of the crime as group formations. 4. Norms providing for the criminal participation of some persons in the negative activities of other persons after the commission of the crime, aimed at creating obstacles to the disclosure of crimes committed by the latter and bringing these persons to criminal responsibility.

To sum up, we can note that our conclusions are not indisputable, in many respects, they are staged in nature and need additional substantiation.

Keywords: group crime, complicity in crime, attachment to a crime, mediocre commission of a crime, group formations

For citation: Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2022) Criminal legal means against combating group crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 86–96. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/7

Групповая преступность как криминологическое явление состоит из групповых преступлений. Групповое преступление представляет собой любое взаимодействие нескольких физических лиц, содержанием которой является совместная преступная деятельность. Однако сама эта деятельность может складываться не только из действий, которые оцениваются уголовным законом как преступление, но и из действий, которые такой оценки не получают, однако представляют собой фактическое участие одних лиц в совместном совершении преступления с другими лицами. На этот аспект группового преступления давно обращается внимание в юридической литературе.

Так, Ф.Г. Бурчак акцентировал внимание на совершении преступления группой несовершеннолетних, из которых лишь один привлекается к уголовной ответственности, так как другие не достигли требуемого для этого

возраста, называя такие ситуации несостоявшимся соучастием [1. С. 14–15]. Р.И. Михеев ставил вопрос о необходимости уголовно-правовой оценки «групповых эксцессов», понимая под ними ситуации, при которых в посягательствах, предусмотренных уголовным законом, участвуют не только преступники, но и лица, не обладающие признаками субъектов преступления в силу невменяемости. Автор признавал такие посягательства одной из форм групповой преступной деятельности [2. С. 111–114]. Р.Р. Галиакбаров предложил оценивать ситуации, при которых объективная сторона состава преступления выполняется действиями нескольких физических лиц при наличии лишь у одного из них признаков субъекта преступления и отсутствии таковых в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости, как совершение преступления группой лиц. Автор исходит из того, что совершение преступления группой лиц, предусмотренное в качестве квалифицирующего признака ряда составов преступлений или в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, следует понимать не только как соисполнительство в преступлении, при котором все соучастники являются исполнителями (полностью или частично выполняют объективную сторону конкретного состава преступления), а более широко, как способ выполнения объективной стороны состава преступления [3. С. 1–15].

В период действия УК РСФСР 1960 г. эта позиция основывалась на некоторых ранее действовавших постановлениях Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ), дающих толкование такому квалифицирующему признаку, как совершение преступления группой лиц. Так, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указывалось: «Действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 90, п. “а” ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 145, п. “а” ч. 2 ст. 146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности» [4–7]. В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» отмечалось: «Действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям» [8]. Этой позиции придерживались суды при вынесении конкретных решений не только по уголовным делам об изнасиловании, грабеже, разбое [9. С. 327; 10. С. 183], но и по уголовным делам о всех формах хищения [11. С. 185].

Такая позиция не получила широкой поддержки среди исследователей, которые совершение преступления группой лиц в уголовно-правовом значении относили к соучастию в форме соисполнительства, не отрицая нали-

чия преступной группы при одном субъекте преступления в криминологическом значении [12. С. 243–244; 13. С. 57–59; 14. С. 11–13].

В действующем УК РФ совершение преступления группой лиц отнесено к соучастию в преступлении, так как участники группы в ч. 1 ст. 35 УК РФ именуются исполнителями. Вместе с тем Верховный Суд РФ занимает противоречивую позицию в отношении такого посягательства. В пункте 9 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывалось: «...совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [15. С. 540]. В пункте 42 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается: «В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» [16. С. 9]. Аналогичное положение содержалось в ранее действующей редакции п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В случае совершения кражи несколькими лицами... их действия следует квалифицировать... по признаку “группа лиц”, если в совершении этого преступления совместно участвовало два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия... следует квалифицировать... как непосредственного исполнителя преступления...» [17]. Эти положения свидетельствуют о том, что Верховный Суд РФ не допускал расширительного толкования совершения преступления группой лиц, подразумевая под ним только соучастие в форме соисполнительства.

Иное толкование совершения преступления группой лиц дано в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г., а именно: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участво-

вавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости» [18]. В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2004 г. аналогичная позиция подтверждается: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего... независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости» [19].

В 2010 г. была изменена редакция п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Из него было исключено положение о том, что признак «группа лиц» имеется, если в совершении преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Такое изменение было, по сути, «молчаливой санкцией» Верховного Суда РФ на расширительное толкование в практике судов совершения преступления группой лиц не только как соисполнительства, но и как выполнения объективной стороны состава преступления действиями нескольких физических лиц при наличии лишь у одного из них признаков субъекта преступления и отсутствии таковых у других участников группы в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости. Судебная практика по конкретным уголовным делам активно восприняла такую позицию [20. С. 98–104], которая и в настоящий период находит теоретическое обоснование у ряда исследователей [21. С. 51–53]. В решениях судов и работах исследователей такая позиция обосновывается фактическим участием физических лиц, не обладающих признаками субъекта преступления, в выполнении объективной стороны преступления и необходимостью в связи с таким участием уголовно-правовой оценки повышенной общественной опасности преступления.

Конечно, такое расширительное толкование совершения преступления группой лиц противоречит действующему законодательству, поскольку в нем, как уже отмечалось, такое посягательство отнесено к соучастию в преступлении в форме соисполнительства. В целом критикуемое толкование группового посягательства не соответствует закреплённому в ст. 3 УК РФ принципу законности, одним из аспектов которой в уголовном праве является недопустимость применения уголовного закона по аналогии. Указанное толкование, даваемое Верховным Судом РФ, является нормативной основой для аналогии уголовного закона, а выносимые судами решения по конкретным уголовным делам – применением уголовного закона по аналогии.

Следуя логике расширительного толкования группового преступления в уголовно-правовом смысле, можно признать всякое соучастие возможным при совершении преступления несколькими лицами, из которых

лишь одно является субъектом преступления. В таком случае зачем вообще в уголовном законодательстве нужна конструкция соучастия, если она не предполагает особенностей в основаниях уголовной ответственности субъектов преступления, совместно осуществивших преступное посягательство?

Считаем необходимым указать также на то, что расширительное толкование совершения преступления группой лиц не снимает практического и даже законодательного решения вопроса о минимальном возрасте и минимальной границе расстройств психической деятельности для признания участниками преступной группы лиц, фактически участвовавших в выполнении объективной стороны преступления. Выходит, что помимо конструкции субъекта преступления нужно будет создать в уголовном законе еще и конструкцию фактического участника преступления, который не будет нести уголовной ответственности? Полагаем, что решать эти искусственно создаваемые проблемы не придется, если правоприменитель откажется от расширительного толкования группового преступления в уголовно-правовом смысле и будет понимать под ним только соучастие в форме соисполнительства.

Вместе с тем отметим, что критикуемая позиция возникла не на пустом месте и отражает реальную проблему необходимости уголовно-правовой оценки действий фактических участников одного преступления, которые не подпадают под признаки соучастия в преступлении. Не случайно некоторые исследователи указывают на несовпадение терминов «групповое преступление» и «преступная группа» в уголовно-правовом и криминологическом смысле [22. С. 21–45].

Для разрешения возникшей проблемы Р.Р. Галиакбаров предложил ввести в научный оборот термин «множественность участников одного преступления», который, по мнению автора, охватывает не только соучастие в преступлении, но и неосторожное сопричинение преступного результата усилиями нескольких лиц, объективное групповое исполнение посягательства, когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невиновно действующего лица или лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости. Эту разновидность проявления множественности в уголовном праве автор предлагал отличать от иных видов стечения нескольких лиц в одном преступлении (прикосновенности к преступлению, посредственного причинения, группы как необходимого признака объективной стороны преступного посягательства, характеризующего обстановку его совершения, групповых действий как признака объективной стороны преступления, субъектами которого выступают организаторы и участники таких действий, стечения нескольких потерпевших от одного преступления) [23. С. 7–9, 41–88].

В нашу задачу не входит полемика с автором по поводу его понимания множественности участников одного преступления и стечения нескольких

лиц в одном преступлении. Тем более, что нами достаточно внимания уделено анализу его позиции по поводу совершения преступления группой лиц. Отметим основную заслугу Р.Р. Галиакбарова, а именно: он обратил внимание на то, что не все разновидности совместного преступного посягательства охватываются нормами о соучастии в преступлении, что действия некоторых из участников такого посягательства не квалифицируются как преступления, что уголовный закон нуждается в совершенствовании в аспекте правовой оценки действий последних.

Из всей совокупности уголовно-правовых норм, предусматривающих стечение нескольких лиц в одном преступлении, к средствам противодействия групповой преступности относятся те из них, которые дают уголовно-правовую оценку групповому преступлению как факту криминологической реальности. Признаками группового преступления в криминологическом смысле являются, во-первых, включенность в преступное посягательство нескольких физических лиц. Причем обязательно, чтобы действия хотя бы одного из них уголовный закон оценивал как преступление. Именно такая оценка придает посягательству в целом характер преступного. Если в совместное посягательство входят только такие общественно опасные деяния, которые не признаются преступлением (например, деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, совершаемые невменяемыми, о которых речь идет в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ), такое посягательство не имеет отношения к групповому преступлению.

Во-вторых, у всех участников группового преступления должно быть наличие общей групповой цели, реализуемой в групповом преступлении, которой подчиняется каждый из участников группы. Это не исключает наличие индивидуальных целей у каждого из участников посягательства. Например, один из участников группового убийства помимо цели лишения жизни потерпевшего преследует цель завладеть находящимися при нем деньгами, а другой участник – отомстить потерпевшему за нанесенную обиду. Отсутствие единой групповой цели у лиц, действия которых объективно стекаются в один преступный результат, не позволяет отнести неосторожное сопричинение к групповому преступлению.

В-третьих, взаимодействие участников группового преступления должно находить выражение в разделении функций, характеризующих взаимную зависимость действий каждого из его участников, и соединении их усилий, направленных на достижение общего результата.

И, наконец, групповое преступление характеризуется общим для всех участников группы негативным последствием их деятельности. Это означает, что причинная связь существует не между действиями отдельного участника группы и наступившим результатом, а между совместной деятельностью и результатом. Действия отдельного участника группового посягательства не содержат в себе неизбежности последствий или их реальной возможности. Таким образом, групповое преступление имеет ме-

сто, когда можно сделать следующий вывод: совместное действие содержит в себе реальную возможность или неизбежность наступления общего от него результата.

Основываясь на этих положениях, можно выделить следующие разновидности уголовно-правовых норм, характеризующих взаимодействие нескольких физических лиц как групповое преступление и являющихся средствами противодействия групповой преступности.

1. Нормы, предусматривающие участие в выполнении конкретного состава преступления нескольких лиц, оцениваемое уголовным законом как соучастие в преступлении. Спецификой в этом случае, характеризующим соучастие в преступлении, является то, что для него, как уже отмечалось неоднократно, необходимо, чтобы не менее двух участников совместного преступления обладали свойствами субъекта преступления и действия которых оценивались именно как преступление.

2. Нормы, предусматривающие фактическое участие в выполнении конкретного состава преступления вместе с лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, тех лиц, действия которых не являются преступными в силу отсутствия признаков субъекта преступления (недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости). Фактическое участие этих лиц выражается в выполнении главного элемента объективной стороны состава преступления – деяния. Действия лиц, подлежащих уголовной ответственности, квалифицируются уголовным законом как посредственное совершение преступления, причем как совершенные индивидуально, а не совместно. В этом случае групповое преступление состоит из преступных действий лица, посредственно совершающего преступление, и не преступных действий фактических участников преступления.

3. Нормы, предусматривающие фактическое участие нескольких лиц в выполнении не деяния, а в формировании с определенным лицом, совершающим преступление, других обязательных элементов объективной стороны состава преступления в виде групповых образований. Данные лица действуют с ним совместно, формируя определенную обстановку совершения преступления (например, в случае, предусмотренном в ст. 212 УК РФ, создавая толпу при массовых беспорядках, в процессе которых другими лицами совершается преступление), воплощая преступный результат определенного преступного действия (например, в случае, предусмотренном в ст. 232 УК РФ, участвуя в притоне, организованном другими лицами), субъектно образуя социальную среду, используемую в качестве средства совершения преступления (например, в случае, предусмотренном в ст. 239 УК РФ, участвуя в религиозном объединении, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью людей). Указанная связь этих действий с совершенным преступлением позволяет включить их в совместную преступную деятельность. Однако уголовный закон считает действия только некоторых фактических участников события преступления общественно опасными и уголовно наказуемыми (прежде всего

организаторов, руководителей, подстрекателей, иных активных участников). Отметим, в последние годы законодатель пошел по пути расширения криминализации таких действий (организаторских, подстрекательских и пособнических действий), которые соучастием не являются (например, в ст. 110.1, 110.2, 171.2, 230.1 УК РФ).

4. Нормы, предусматривающие преступное участие одних лиц в негативной после совершения преступления деятельности других лиц, направленной на создание препятствий к раскрытию совершенных последними преступлений и привлечению этих лиц к уголовной ответственности. В этом случае групповое преступление также состоит из преступных действий, квалифицируемых уголовным законом как укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ), и непроступных, хотя и негативных действий лиц, совершивших преступление, которое укрывается или о котором не сообщается (исключение составляет деяние, предусмотренное ст. 174.1, представляющее пример вторичной криминализации) [21. С. 17–18].

В заключение отметим, что наши выводы не являются бесспорными, во многом носят постановочный характер и нуждаются в дополнительном обосновании.

Список источников

1. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища школа, 1986. 208 с.
2. Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 288 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.
5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 4.
6. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1983. № 10.
7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 7.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.
9. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1964–1972 гг.). М. : Юрид. лит., 1974. 648 с.
10. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1974–1979 гг.). М. : Юрид. лит., 1981. 400 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1980. 416 с.
12. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 360 с.
13. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 128 с.
14. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М. : Компания Спутник+, 2004. 156 с.
15. Судебная практика по уголовным делам : в 2 ч. М. : Экзамен, 2002. Ч. 1. 928 с.
16. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
17. Российская газета. 2003. 18 января.
18. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8.
19. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

20. Шеслер А.В., Беларева О.А. Вандализм, совершенный группой лиц // Уголовное право. 2017. № 5. С. 98–104.
21. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.
22. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 164 с.
23. Галиакбаров Р.Р. Квалификация много субъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск : Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. 96 с.
24. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 2005. 118 с.

References

1. Burchak, F.G. (1986) *Souchastie: sotsial'nye, kriminologicheskie i pravovye problem* [Complicity: social, criminological and legal problems]. Kiev: Vishcha shkola.
2. Mikheev, R.I. (1992) *Nevmenyaemyy. Sotsial'no-pravovoy ocherk* [The Irresponsible. A Socio-legal Essay]. Vladivostok: Far East University.
3. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yurid. lit.
4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1966) 6.
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1971) 4.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1983) 10.
7. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR*. (1990) 7.
8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (1992) 7.
9. The Supreme Court of the RSFSR. (1974) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR (1964–1972 gg.)* [Collected decisions of the Presidium and definitions of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR (1964–1972)]. Moscow: Yurid. lit.
10. The Supreme Court of the RSFSR. (1981) *Sbornik postanovleniy Prezidiuma i opredeleniy Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RSFSR (1974–1979 gg.)* [Collected decisions of the Presidium and definitions of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR (1974–1979)]. Moscow: Yurid. lit.
11. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
12. Kriger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of socialist property thefts]. Moscow: Yurid. lit.
13. Ivanov, N.G. (1991) *Ponyatie i formy souchastiya v sovetskom ugolovnom prave* [The concept and forms of complicity in Soviet criminal law]. Saratov: Saratov State University.
14. Dyadkin, D.S. (2004) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.
15. Russia. (2002) *Sudebnaya praktika po ugolovnym delam* [Judicial Practice in Criminal Cases]. Vol. 1. Moscow: Ekzamen.
16. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2011) 4.
17. *Rossiyskaya gazeta*. (2003) 18th January.
18. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2001) 8.
19. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2005) 4.
20. Shesler, A.V. & Belareva, O.A. (2017) *Vandalizm, sovershennyi gruppoy lits* [Vandalism committed by a group of persons]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 98–104.
21. Rarog, A. & Esakov, G. (2002) *Ponimanie Verkhovnym Sudom RF “gruppy lits” sootvetstvuet printsipu spravedlivosti* [The Supreme Court of the Russian Federation interprets a “group of persons” by the principle of justice]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 51–53.

22. Prozumentov, L.M. (2010) *Gruppovoe prestuplenie: voprosy teorii i praktiki* [Group crimes: questions of theory and practice]. Tomsk: Tomsk State University.

23. Galiakbarov, R.R. (1987) *Kvalifikatsiya mnogosub"ektnyykh prestupleniy bez priznakov souchastiya* [Qualification of multi-actor crimes without signs of complicity]. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.

24. Shesler, A.V. (2005) *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty gruppovoy prestupnosti* [Criminological and criminal law aspects of group crimes]. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Информация об авторах:

Прозументов Л.М. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.M. Prozumentov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

A.V. Shesler, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2021;
одобрена после рецензирования 18.12.2021; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 22.10.2021;
approved after reviewing 18.12.2021; accepted for publication 02.03.2022.*